

И. С. Вдовин

Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение

Вопросы идеологии народов северо-востока Сибири изучены совершенно недостаточно, порой они просто даже не поставлены. Так, мы мало знаем о правовых и нравственных нормах и тем более о религиозных представлениях отдельных народностей Севера или этнических групп. Не составляют исключения в этом отношении и коряки. Задачи максимально полного изучения культуры, быта, социальных отношений, этногенеза, этнической истории малых народностей Севера не могут быть успешно решены без привлечения материалов по религиозным представлениям, верованиям и культам, без всестороннего исследования материальных остатков, встречающихся на культовых местах.

Из комплекса культов наиболее полно отражают основной источник существования коряков в прошлом — охоту — жертвенные места, так называемые *аппаниль* и *ыллаапиль* (на алюторском диалекте корякского языка).

Особенно ценны для изучения материальные остатки жертвенных мест. Они в значительной степени отражают то, что служило одним из древних и основных занятий населения, было главным источником его существования. На жертвенных местах находятся орудия охоты и их части, т. е. вещественная, материальная сторона этих своеобразных памятников. Но есть и другая — духовная сторона такого рода памятников, которая сохраняется в устных преданиях, в сознании, в памяти пожилых коряков. И это весьма важно для исследования. Без такого существенного дополнения, помогающего «оживить» памятник, было бы невозможно с должной полнотой раскрыть значение жертвенных мест, их роль и функции в представлениях коряков. Рассказы и пояснения коряков о значении аппанилей и ыллаапилей в системе их религиозных воззрений дают отчетливые представления о них как об одной из основных форм выражения культа предков. Кроме того, рассказы содержат элементы, характеризующие нравственные нормы коряков, которые вытекали из условий их повседневной жизни, определялись производством средств к существованию, семейным бытом патриархальной общины.

Нельзя сказать, что о жертвенных местах коряков ничего не было известно. Упоминания, краткие описания их встречаются и в литературе, и в архивных документах XVIII—XX вв.

У коряков бытовало несколько типов жертвенных мест, причем каждый из них имел свое назначение. Дифференциация их по функциям сопровождалась дифференциацией приносимых в жертву предметов. Аппаниль и ыллаапиль — жертвенные места, связанные с культом предков; они находились в непосредственной близости от населенного пункта

и в самом населенном пункте. Были жертвенные места и на дорогах (тропах) около гор, скал, рек, мысов и т. д. — они назывались *тинтынутэнут*. Здесь жертвы приносились «хозяевам данных мест».

Аппапиль¹ буквально значит «дедушка», так обычно называют деда как с отцовской, так и с материнской стороны коряки алюторцы, чавчумены и др. Другое значение этого слова — постоянное жертвенное место, находящееся вблизи оседлого населенного пункта, а в прошлом — около мест, где люди проводили большую часть года и где они охотились на медведей, диких оленей, ловили и заготавливали рыбу. Обычно такие

Рис. 1. Аппапиль около устья р. Апуки. Видны черепа моржей и китовая кость.
Фот. автора, 1954 г.

места находятся на берегах рек, на берегу моря, на морских островах, как правило, на возвышенных местах, откуда хорошо просматриваются окрестности, откуда удобно наблюдать приближение зверя.

Обычно около каждого населенного пункта коряков, основанного давно, имеется аппапиль. В прошлом это неременный атрибут селения. В настоящее время они сохраняются лишь в виде остатков жертвенных мест. Внешне они выглядят как скопление черепов и рогов оленей, черепов моржей, сивучей, медведей и других морских и сухопутных животных, постепенно зарастающее травой. До начала 30-х годов нашего века на таких жертвенных местах стояли или деревянные столбы, заканчивавшиеся стилизованным резным изображением лица человека, или отдельные кости кита (рис. 1). Теперь уже этих фигур-столбов нет, они не сохранились, но на поверхности и в земле остаются рога оленей, черепа добывавшихся животных, а также отдельные орудия, видимо, применявшиеся при охоте на этих животных. Это-то обстоятельство и при-

¹ Предметы, рисунки и фотографии с которых публикуются в данной статье, хранятся в МАЭ (колл. № 6601).

дает данным памятникам исключительную ценность. Это как бы кладовая орудий охоты, которые оставались здесь охотниками из года в год, слоями, на протяжении не только многих десятилетий, но, вероятно, не одного столетия. Такого рода многослойные жертвенные места исключительно интересны и важны для истории, потому что они дают наглядное представление об орудиях охоты, используемых при добыче тех животных, черепа которых здесь собраны. Это как бы вещественная «летопись» жителей данного места. Многослойность жертвенного места дает совершенно достоверный материал о постепенном изменении характера орудий охоты, материала, из которого они изготовлялись, и позволяет отнести определенного вида орудия к определенному времени их бытования и, следовательно, представить по этим памятникам картину прошлой жизни коряков, т. е. сделать то, что всегда было очень трудно. Первые письменные сведения о них появились лишь во второй половине XVII в.

Другое название жертвенного места, встречающееся значительно реже, — *ыллаапиль*, что означает «бабушка». По мнению современных коряков, интерпретаторов этих терминов, эти жертвенные места выполняют совершенно одинаковые функции. Однако возникновение жертвенных мест с разными названиями имеет и разные истоки. В первом случае это был мужчина — дедушка, — основатель данного поселения, вернее данной патриархальной общины, после смерти ставший духовным патроном общины, ее покровителем и защитником. Во втором — женщина, прародительница, наделяемая теми же обязанностями. И *аппапиль* и *ыллаапиль*, кроме того, наделялись шаманской силой. Возможно, что это явление более позднее. Впрочем, есть случаи, когда начало *аппапилю* якобы было положено шаманом.

Все *аппапили* и *ыллаапили*, помимо общих видовых наименований, имеют еще имена собственные, что служит одним из свидетельств их связи с реальными людьми, определенными местами. Такие жертвенные места были распространены повсеместно среди коряков побережья Пенжинской губы, на восточном побережье Камчатки, у коряков алюторцев, кереков, а в несколько видоизмененной форме среди оседлых чукчей.

На побережье Пенжинской губы известны следующие жертвенные места и названия их (данные 1934 г.): в с. Хаимчик — Галле (Утка), Коувгалле (Ласточка), Кайкоувгалле (Маленькая ласточка) или Эк'мык'лавол (Низкорослый мужчина), Тымкэнэку (Большая кочка), Вылпавыткын (Кончик лопаты); в с. Тылхой — Тылкас (по названию селения) и др.² На восточном побережье Камчатки также встречаются жертвенные места: в старом, давно покинутом селении на берегу р. Култушная — Илрваям ыллаапиль (Култушинской реки бабушка); на острове Верхотурова — Самынычын'авпиль (Островная старушка); на р. Анапке — Ан'нюлк'ын (название разновидности жука); на р. Апуке.

Весьма интересные и важные сведения об *аппапилях* сообщил К. Бауэрман. Хотя его объяснения не всегда последовательны и точны (особенно переводы значений корякских терминов), однако факты, сообщаемые им, заслуживают доверия. Он несомненно прав, что *аппапили* в Корякском национальном округе много и каждый имеет свое собственное имя. Ему же принадлежит важное наблюдение о существовании связи *аппапили* с хозяйственной деятельностью жителей данного селения. Бауэрман писал: «Это места, в большинстве случаев удобные для наблюдения за морским зверем, его отстрела, или намечаются (в особен-

² К. Бауэрман. Следы тотемистического родового устройства у паренских коряков. СС, 1934, № 2, стр. 74.

ности «апнапили») близ водоемов на реке, где скапливается во множестве рыба — кета».³ Он же отметил, что при выходе на морской промысел команда байдары комплектовалась, как правило, гребцами и охотниками из числа лиц, принадлежащих к одному апнапилю. Такую группу автор ошибочно считал не большой патриархальной семьей, а родом. Ему же принадлежит наблюдение, что все жители с. Парень разбиты на отдельные «апнапильства», где каждая семья или группа семей прикреплена к определенному апнапилю, что каждый апнапиль имеет внешнее материальное выражение в виде деревянного шеста высотой 1.5—1.75 м, врытого в землю. Верхний конец его обычно заострен и на него нанесено изображение человеческого лица.⁴ Отмечено также, что апнапили являются «духами» предков, родоначальниками и т. д. Бауэрман дал наиболее полное описание апнапилей, которые он видел в Пенжинском районе. О научном значении наблюдений К. Бауэрмана и о заблуждениях в выводах подробно сказано в статье Н. Билибина.⁵ Нас интересуют сейчас только результаты наблюдений К. Бауэрмана: он не увидел приношений в жертву апнапилю орудий охоты. Не заметил этого обряда и Н. Билибин. А между тем о приношении на жертвенные места коряками орудий охоты имеются довольно ранние указания в литературе. В 1787 г. производилась опись берегов западного побережья п-ова Камчатки. Один из авторов описи, помимо специальных наблюдений, оставил весьма обстоятельные этнографические записи. Он отметил, что «на одном очень высоком камне поставлено множество оленных и диких баранов рогов, а в середине их, медвежьих и собольих голов лобовые части, *под которыми и вокруг множество как костяных, так и каменных и железных стрел* (курсив мой, — И. В.). Что это значит, и для чего? Ни от кого уведомиться не могли».⁶ Как видно, автор этих строк был не просто любознательным человеком, а проявлял глубокий интерес к виденному, он хотел знать больше и поэтому произвел какие-то раскопки. Он посмотрел, что же находилось под «лобовыми частями голов», и обнаружил там охотничьи орудия и их части. Автору этого описания принадлежит и первое упоминание слова «апнапиль», — правда, в переводе на русский язык. «К утесам или камням, — сообщал он, — настреливают стрелки, для того, чтобы он тот утес мог пройти или проехать безвредно; а стреляя говорит, *старик*, помилуй, не сделай мне вреда, моим оленям и моим собакам».⁷ Таков, оказывается, один из путей накопления стрел на жертвенном месте апнапиль. Этот же автор дал классификацию и перечень поводов для жертвоприношений коряков. «Жертвоприношение, — писал он, — бывает ради следующих причин: 1) испрашивание хороших промыслов, 2) в браках, чтобы иметь любовь с своею женою, 3) в возблагодарение за хороший промысел, 4) о больных».⁸

Не менее интересно и важно некоторыми подробностями сообщение Лессенса, которое также относится к концу XVIII в. Однако Лессенс наблюдал жертвоприношение коряков не апнапилю, а ыллапилю (опять-таки это название упоминается лишь в русском переводе), и уже на Охотском побережье. В 50 верстах от Ямска, отмечает Лессенс, находится

³ Там же, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Н. Билибин. К статье т. Бауэрмана «Остатки родового устройства и тотемизма у паренских коряков». СС, 1934, № 2, стр. 78—80.

⁶ Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова, 1742 и 1787 г. Зап. гидрогр. департамента Морского министерства, 1852, ч. X, стр. 140.

⁷ Там же, стр. 151.

⁸ Там же, стр. 148.

гора. «Коряки зовут оную Бабушкою; они говорят, что на вершине ее погребена старая колдунья, столь же славная, сколь и страшная... Коряки, провожавшие меня, по усердию своему оставили свои приношения (как то, частицы табашных, куски рыбы, железные и прочие) на вершине горы, на том месте, где по их мнению опочивает волшебница».⁹

Лессепс указал еще на одно важное обстоятельство, не отмеченное до него, да и позднее, — жертвенное место «бабушка» представляется корякам как место погребения.

Уместно сослаться и на архивные данные о жертвоприношениях коряков, по-видимому, апнапилю. Эти сведения относятся к оседлым корякам паренцам середины XVIII в. Как сообщается в документе, живут они на одном месте, «юрты имеют земляные, а питаются рыбою и морским всяким зверем, а веру имеют киту морскому, а жертву приносят стрелы костяные и железные».¹⁰

Упоминания об апнапили, добром старике, которому приносят жертвы, имеются у К. Дитмара. «На горах, в рощах и особенно опасных местах, — писал он, — часто можно видеть принесенные в жертву табак, съестные припасы, иногда даже снаряды и оружие».¹¹ Об апнапили как о добром и умном старике, который «в давние поры жил и ходил по земле, преподавая корякам кодекс нравственной и житейской мудрости»,¹² пишет Н. В. Слюнин. Последнее замечание ново и существенно дополняет предыдущие описания апнапиля.

Весьма бегло, но все же сказано об апнапилях и у В. И. Иохельсона, главным образом о жертвоприношении холмам, скалам, где якобы находились покровители дорог и охоты.¹³ В. Г. Богораз тоже упоминает о них.¹⁴ Ряд сведений о жертвоприношениях апнапилю коряками побережья Пенжинского залива сообщает Н. Н. Беретти.¹⁵ В весьма общих выражениях о жертвенных местах коряков писал И. И. Гапанович.¹⁶ Интересные сведения об островке, носящем название Апнапиль, который находится недалеко от с. Каменское, приводит М. Полянский.¹⁷ На этом островке было лежбище тюленей и сивучей, куда, однако, доступ некорякам не разрешался. Об этом же островке Апнапиль сообщал и А. Литвинов.¹⁸

Таковы в общих чертах сведения в литературе о жертвенных местах коряков апнапиль и ыллаапиль.

Исследование апнапиля было произведено автором данной статьи в 1955 г. в Олюторском районе Корякского национального округа (восточное побережье п-ова Камчатка). Апнапиль находился примерно в 50 км от берега моря, на правом берегу р. Ветвей, в 4 км от впадения ее в р. Вывенку. Эта река очень богата рыбой лососевых пород. По реке, видимо, расположено много удобных для нереста мест, сюда заходит в большом количестве горбуша и кета. Река течет почти в широтном на-

⁹ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч. III. М., 1801, стр. 7—8.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 103, тетр. 3, л. 14 об.

¹¹ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. ВРГО, 1856, кн. 1, стр. 50.

¹² Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. Т. I. СПб., 1900, стр. 588.

¹³ W. Jochelson. The Koryak. Religion and Myths. Leiden, 1905, p. 97.

¹⁴ В. Г. Богораз. Чукчи. П. Л., 1939, стр. 10.

¹⁵ Н. Н. Беретти. На крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929, стр. 37—41.

¹⁶ И. И. Гапанович. Камчатские коряки. Современное положение племени и значение его оленного хозяйства. Tientsin, China, 1932, стр. 52—53.

¹⁷ М. Полянский. Скачок через столетия. М., 1931, стр. 53.

¹⁸ А. Литвинов. В краю огнедышащих гор. Свердловск, 1965, стр. 107—108.

правлении. Правый берег ее возвышенный, а левый низменный, пойма ее по левому берегу сливается с поймой правого берега р. Вывенки. О месте нахождения остатков старых землянок и аппапиля мне сообщили местные жители коряки и, в частности, заместитель председателя колхоза тов. Ивтакрат. Он же и показал мне это место, на котором предполагалось возводить хозяйственные постройки колхоза.

В том месте, куда мы пришли, правый высокий берег р. Ветвей полого поднимается на 6—8 м. Видимо, когда-то река протекала под этим бере-

Рис. 2. Аппапиль около с. Ветвей. Фот. автора, 1955 г.

гом, а теперь ее русло отступило на 60—70 м. На высокой части берега, опускающейся к реке под углом 10—12°, среди зарослей кедрового стланца и полярной березы, на площади около 18 м², в беспорядке лежали вместе с лобными костями рога диких и отчасти домашних оленей, черепа медведей и пара клыков молодого моржа (рис. 2). Никаких других предметов ни на этом месте, ни в ближайшем окружении на первый взгляд не было. Рога и черепа едва были заметны из-под мха и травянистой растительности, уже затягивавшей это место. Было совершенно очевидно, что этот аппапиль существовал с давних пор.

Не случайно жертвенное место расположено на высоком берегу реки, у излучины, откуда открывается удивительная панорама низменного, далеко уходящего на север левобережья, свободно просматривается тундра на многие километры. Впереди, на расстоянии нескольких десятков километров, виднеются первые горы. С этого места охотники высматривали подходы диких оленей, двигавшихся к переправе на р. Ветвей (рис. 3).

Едва заметные тропинки, заросшие мхом, ведут к аппапилю одна с северо-запада, другая с юго-востока. Первая идет прямо из тундры и в нескольких десятках метров теряется, другая тянется на юго-восток вдоль берега, то исчезая, то вновь появляясь, на протяжении примерно 600—700 м, где она упирается в остатки круглой полуземлянки, видимо не очень древней. После тщательного осмотра самого места, на котором находились рога оленей и черепа медведей, в юго-западном углу в траве были найдены два деревянных копьца, довольно грубо сделанные (рис. 4).

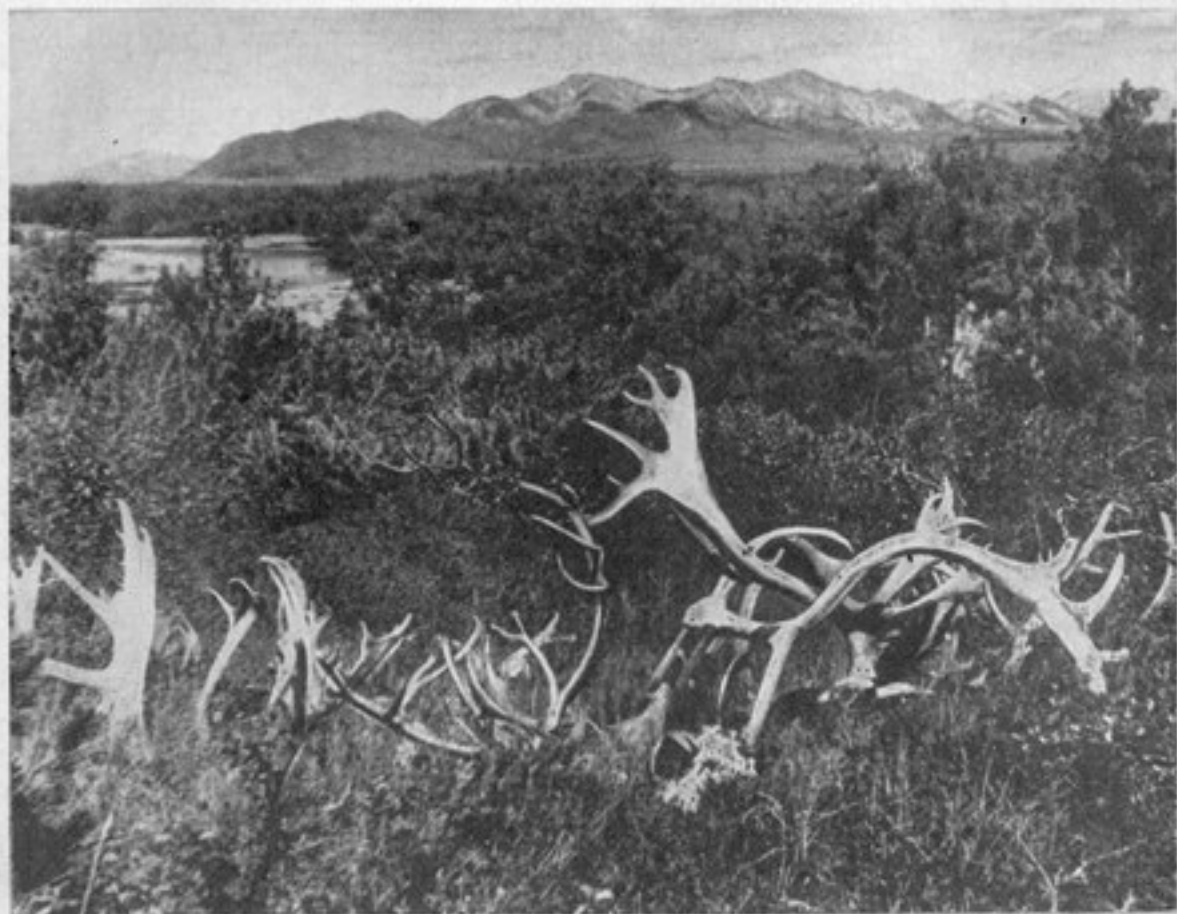

Рис. 3. Общий вид аппапиля около с. Ветвей. Фот. автора, 1955 г.

На одном из них были жилые нитки, на другом — сверток жилых ниток и кусочек красной тряпочки с привязанным к ней кусочком кожи тюленя. Ни на самом жертвенном месте, ни вокруг него не было видно следов костра. Деревянные копьца, вероятно, были положены не так давно, год или два тому назад. Они даже не потемнели, а тряпочка почти не выцвела. Значит, этот аппапиль посещался коряками, сюда они приносили свои скромные дары. Все остальные предметы (рога, черепа, клыки), лежавшие на поверхности, были не очень большой давности: вероятно, их положили только несколько десятков лет тому назад. Клыки моржей потрескались, их обычно блестящая, как полированная, поверхность выглядела шершавой и беловатой, с массой продольных больших и малых трещин. Их трудно было отличить по цвету от рогов оленей. Двенадцать пар рогов и восемь черепов (вернее, черепных коробок с верхней челюстью) лежали на поверхности, частично заросшие мхом и травой. Кроме того, из-под мха и травы торчали глубоко вросшие

в землю рога, частью обглоданные волками, частью поломанные, и черепа медведей, там и тут видневшиеся на всей площади аннаниля. Количество черепов медведей явно преобладало над количеством рогов оленей. Здесь же, на поверхности, оказался череп выдры. Видимо, он попал в это окружение недавно. Все черепа медведей были пробиты с правой стороны, вероятно в целях извлечения мозга. Поверхность аннаниля мы начали вскрывать с юго-западной границы расположения рогов и черепов, от того места, где в него упиралась тропинка. Последовательно нами было вскрыто 6 м² на глубину до 40 см. Глубже шла мерзлота, хотя и там были видны черепа медведей и обломки рогов оленя вместе с теменными костями. Это лишний раз подтверждало, что аннаниль су-

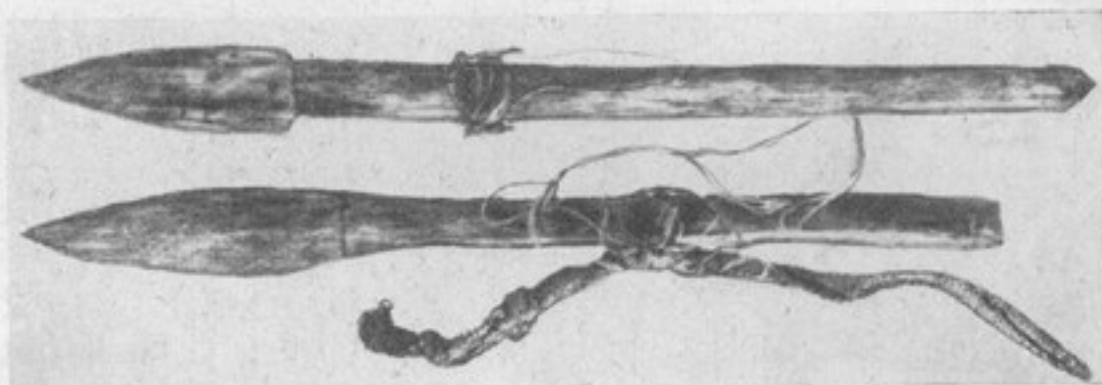

Рис. 4. Деревянные копьёца, найденные на аннаниле около с. Ветвей.
Фот. автора, 1955 г.

ществовал с очень давнего времени. Однако обстоятельства и время не позволили произвести более детальное обследование этого памятника (мне удалось там быть в течение одного дня — 27 июля 1955 г.). Таким образом, трудно сказать, как глубоко залегают предметы и каков их характер. Сняв руками верхний слой мха (он легко отделялся) толщиной до 10 см, мы увидели слой сырого мохового перегноя, ниже которого шел темный перегной с прослойками угля (первые на глубине 15 см), расположенными отдельными пятнами. Такие прослойки попадались на разных горизонтах по всей вскрытой площади. Костры жглись, видимо, непродолжительное время и всякий раз, или почти всякий раз, на новом месте, так как зольных остатков почти нет. Прямо на самом жертвенном месте около остатков костров найдены обгоревшие палки (материал костра) и большое количество обожженных, полусгнивших орудий из рога оленя. Пожалуй, количество обожженных костяных орудий составляет не менее 35—40% от общего количества найденных предметов. Ни одного целого обожженного изделия из кости мы не нашли. Возможно, что их бросали в огонь уже в поломанном виде. Рядом с обожженными костяными орудиями попадались и совершенно не обожженные наконечники стрел разнообразных форм и назначений, с разными способами крепления их к древку, костяные ножи-кинжалы, наконечники копий, бусы — все это вперемешку с остатками черепов медведей и лобовых костей оленей с рогами. Все костяные орудия были изготовлены из рога оленя, что несомненно доказывает обособленность культуры обладателей этих орудий, малые связи их с прибрежными жителями, носителями культуры морского зверобойного промысла.

В юго-западной части раскопа, в квадрате № 1, на глубине 23 см был

найден костяной наконечник, видимо метательного дротика, с железным вкладышем треугольной формы. Тут же было найдено несколько голубых бусин. Немного глубже были обнаружены остатки двух черепов горных баранов и их кости, а также кости какой-то птицы, по всей видимости утки.

В квадрате № 3 на грани мерзлоты был найден обсидиановый наконечник стрелы иволистной формы с уплощенным основанием (черешком) для крепления на древке. Второй обсидиановый наконечник был найден на глубине около 30 см в квадрате № 5. В квадратах №№ 2 и 3 на тех же глубинах были найдены все остальные 11 каменных наконечников.

Почти все (семь штук) железные вкладыши в костяные наконечники стрел и просто железные наконечники стрел (три штуки) были найдены в квадратах № 4 и отчасти № 3, на уровне 18—23 см, где они находились вперемешку с изделиями из кости, черепами медведей, оленей. Бусы находились на разных горизонтах, обычно по одной штуке, но не глубже 25 см от верхнего края. Бусины — голубого, белого и зеленого цветов, несколько приплюснутые по оси отверстий (лишь две бусины — темно-синего и более светлого тона — граненого сечения) — были найдены рядом с обсидиановым наконечником в квадрате № 3. Ни деревянных частей орудий (за исключением остатков, сохранившихся во втулках черенковых наконечников), ни каких-либо других предметов в обследованной части анпапия найдено не было. Как видно, здесь в жертву приносились черепа добывавшихся сухопутных животных, оружие, которым они добывались, и украшения в виде бус (найдено всего 14 штук). Среди орудий количественно преобладают наконечники стрел, затем, видимо, наконечники дротиков, копий и, наконец, ножи. Впрочем, отнести те или иные орудия к определенной категории не всегда можно с достаточной уверенностью, так как не найдено ни одного орудия с древками, рукоятками. Основную массу находок составляют изделия из рога. Целые и поломанные, обгоревшие и необгоревшие, они встречались повсюду, в разных местах и слоях вскрытой части жертвенного места.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Весьма показательно, что наконечники стрел отличаются разнообразием форм и размеров, особенно сделанные из рога оленя. Очевидно, в недалеком прошлом, по крайней мере еще в XVII—XVIII вв., лук и стрелы были одним из самых универсальных и самых распространенных орудий континентальных охотников коряков. Пока никому из исследователей не случалось находить в континентальных и приморских районах расселения коряков такие скопления разнообразных видов и типов наконечников стрел. До настоящего времени не создано еще классификации наконечников, применявшихся коряками. В этой связи представляется уместным дать первые ориентировочные наметки классификации наконечников, что поможет точнее определить функциональное назначение разных по формам, способам крепления костяных наконечников стрел и датировать этот памятник.

Все костяные наконечники стрел нашей коллекции можно разделить по способу насада на древко на два вида: втульчатые, т. е. такие, в основании которых имеется отверстие для насада на древко стрел, и черенковые. Черенковые в свою очередь могут быть разделены по формам основания на три типа: уплощенные, которые вставлялись в прорезь

древка; круглые шилообразные, которые вставлялись или забивались в древко стрелы; вильчатые — имеющие основание с прорезью по середине, делящей их на две половины (в эту прорезь вставлялась уплотненная часть конца древка стрелы или дротика и все соединение

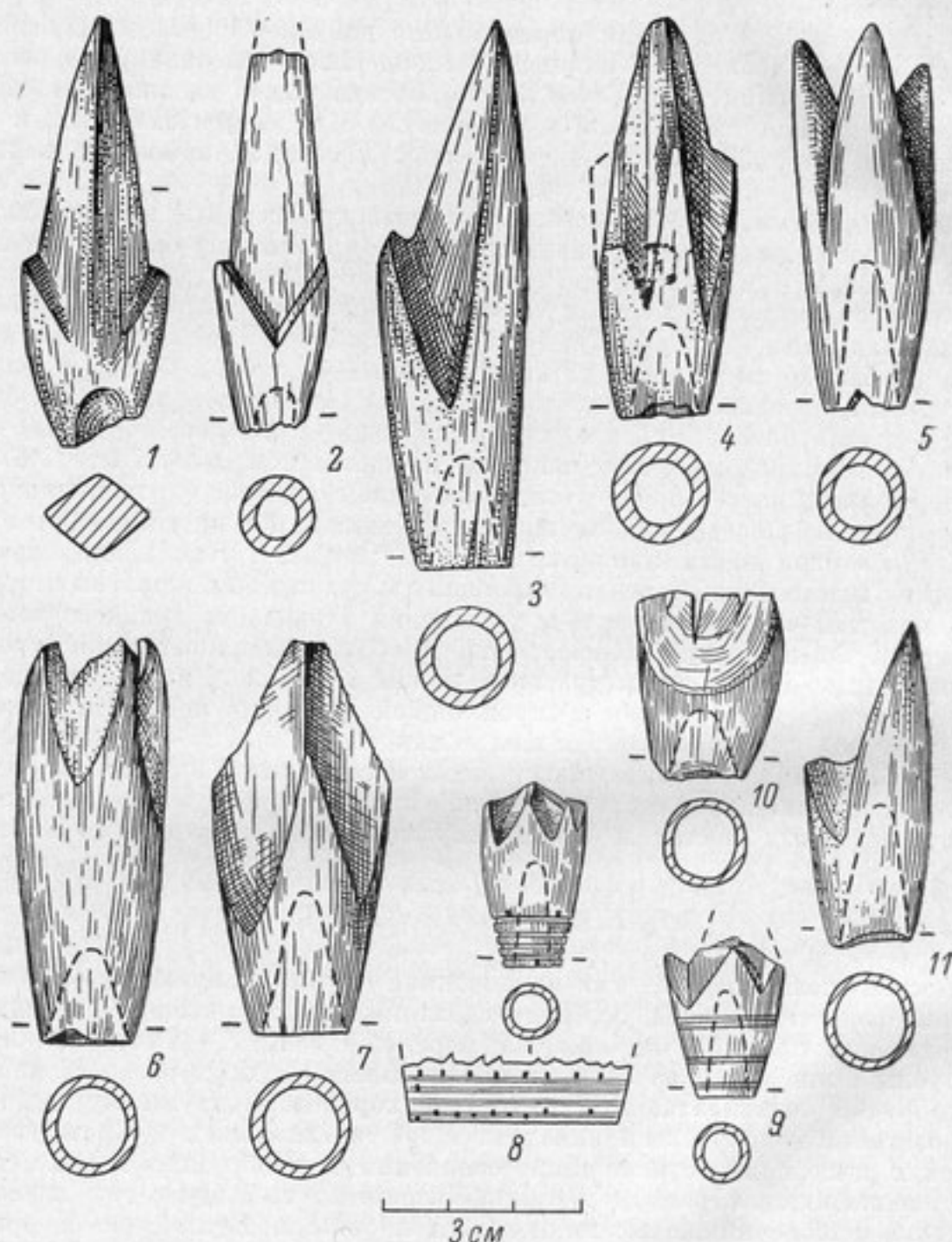

Табл. I. Втульчатые наконечники стрел из рога оленя.

дополнительно крепились жилыми нитками, возможно и клеем; впрочем, дополнительное крепление жилыми нитками применялось при всех видах черенковых способов насаживания наконечников на древко).

Втульчатые наконечники стрел отличаются удивительным разнообразием форм и размеров (табл. I), а также сложностью конфигурации острия. Можно предполагать, что они использовались для охоты на

мелких сухопутных зверей (евражек, тарбаганов), птиц (куропатов и водоплавающих). Эти наконечники редко имеют размеры около 10 см, обычно их длина не превышает 7—8 см. В то же время некоторые из них отличаются массивностью и отсюда особой прочностью. Это дает повод думать, что такие наконечники могли употребляться как наконечники боевых стрел. Они, видимо, обладали большой ударной и пробойной силой. Среди втульчатых наконечников стрел особо следует выделить томары — наконечники, применявшиеся несомненно только при охоте на птиц и мелких животных.

Черенковые наконечники стрел также отличаются друг от друга внешним видом, размерами, формой черенков и, следовательно, способами их соединения с древками стрел, характером крепления (об этом уже сказано). По своим размерам они резко отличаются от втульчатых. Некоторые из них достигают 23 см длины. Как видно, они применялись при охоте на парнокопытных животных (диких оленей, лосей, горных баранов) и медведей. Черенковые наконечники составляют основную массу орудий, которые найдены на этом жертвенном месте. И это не случайно. Охота — и именно на диких оленей и медведей — имела первостепенное значение в жизни континентальных обитателей Камчатского перешейка. Здесь проходили пути сезонных миграций диких оленей, весной двигавшихся на север, а осенью возвращавшихся.

ВТУЛЬЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Тип 1. Биконические. Верхняя половина пера треугольная с вытянутым ромбовидным сечением, основание — нижняя половина — цилиндрической формы. На двух гранях ромба — шипообразные утолщения, обращенные остриями вверх. Длина острия от упора втулки (место излома) — 56 мм, наибольшая ширина острия с шипами — 27 мм (табл. I, 1).

Тип 2. Биконическое четырехгранное пирамидальное острие с шипами, расположенными у основания каждой грани. Шипы обращены своими остриями вверх, они образуют как бы чашу с цилиндрическим основанием, над которой возвышается острие. В нижней части цилиндра втулка (излом по втулке). Длина пера от излома у втулки до отломанного конца острия — 60 мм, площадь пирамидального основания острия — 13×13 мм, видимый диаметр втулки — 7 мм (табл. I, 2).

Тип 3. Сложная конфигурация. Четырехгранное пирамидальное острие, ниже него находится закругленная шейка, соединяющая острие с четырехгранным основанием, на каждой из граней которого — шипы, обращенные остриями вверх. Основания шипов образуют конический цилиндр с втулкой для древка. Длина наконечника — 32 мм, диаметр втулки — 8—9 мм (табл. II, 3).

Тип 4. Сложная конфигурация. Трехгранное острие. Две плоские, третья полуовальная. У основания ребра, образованного соединением плоских граней, — шип, обращенный острием вверх. Высота его равна примерно половине основного острия. Соединение острия и шипа образует конический (книзу) цилиндр со втулкой. Длина наконечника — 83 мм, диаметр в самом широком месте — 23 мм, диаметр втулки — 10—11 мм (табл. I, 3).

Тип 5. Биконический наконечник с пятигранным пирамидальным острием, на ребрах которого — шипы, обращенные остриями вверх. Основание — конический цилиндр со втулкой. Длина наконечника —

62 мм, наибольший диаметр — 24 мм, диаметр втулки — 6 мм (табл. I, 4).

Тип 6. Коническое, полуцилиндрической формы острие с коротким шипом, расположенным на плоской стороне полуцилиндра ближе к основанию наконечника. Основание — конический цилиндр со втулкой. Длина пера до излома — 70 мм, диаметр — 13 мм, диаметр втулки — 8 мм (табл. II, 4).

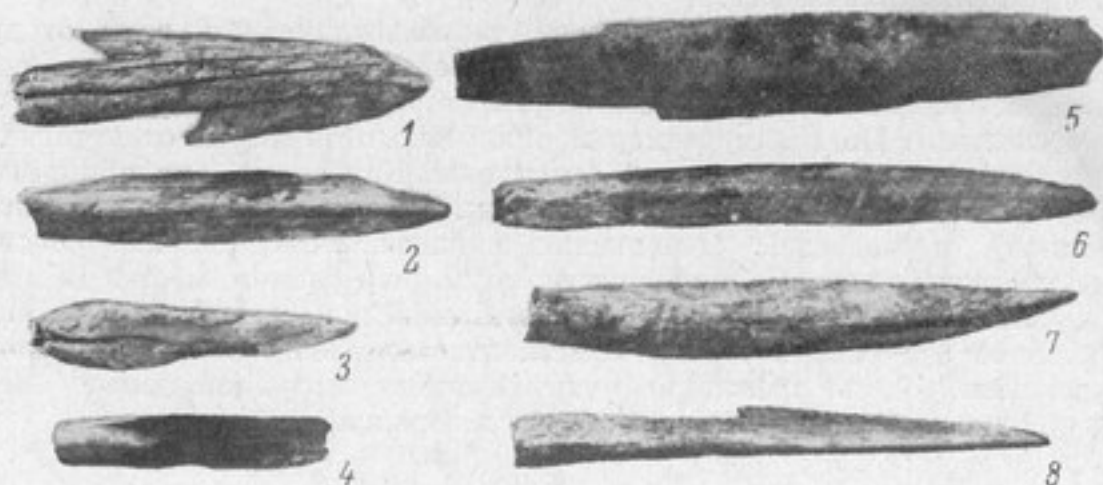

Табл. II. Наконечники стрел с удлиненными остриями.
Материал — рог оленя.

Тип 7. Трезубое острие с цилиндрическим основанием, расширяющимся кверху. Высота зубцов разная. В основании — отверстие для древка. Длина по наиболее высокому зубцу — 60 мм, толщина — 24 мм, диаметр втулки — 11 мм (табл. I, 5).

Тип 8. Трехгранное острие, вершины ребер которого образуют зубцы. Основание острия — цилиндр конической формы, расширяющийся кверху. В основании — втулка. Длина наконечника — 64 мм, наибольшая толщина — 22 мм, диаметр втулки — 12—13 мм (табл. I, 6).

Тип 9. Трехгранное острие пирамидальной формы. Основание — конический цилиндр, расширяющийся к середине. В основании — втулка. Длина наконечника — 60 мм, наибольшая толщина — 25 мм, диаметр втулки — 10 мм (табл. I, 7).

Томары

Тип 1. Шестизубое острие, один зубец возвышается в середине, пять других симметрично расположены вокруг. Высота их не строго одинакова. От вершин зубцов идут острые ребра, соединяющие их с центральным зубцом. Все острие в профиль имеет коническую форму, оно утолщено к вершине. Параллельно нижнему краю основания, на расстоянии 1.5 мм друг от друга, прорезано четыре линии. Над верхней линией — треугольные (обращенные вершинами вверх) вырезы, расположенные друг от друга на расстоянии 4 мм. По краям нижней линии также имеются аналогичные вырезы, но уже обращенные вершинами вниз. Длина наконечника — 26 мм, толщина — 14 мм, диаметр втулки — 7 мм (табл. I, 8).

Тип 2. Пятизубое острие, расширяющееся кверху. Один зубец в середине (видимо, удлинённый) обломан, другие четыре симметрично расположены вокруг. Концы окружающих зубцов острые и хорошо обозначены. Начиная с нижнего края основания прорезаны параллельно ему три ряда линий, опоясывающих тулово наконечника. Два нижних ряда имеют по две параллельные прорези, третий ряд — три. Длина острия, не считая отломанного центрального зубца, — 23 мм, толщина в самом широком месте — 16 мм, диаметр втулки — 7—8 мм (табл. I, 9).

Тип 3. Клинообразное острие, расширяющееся кверху. Основание — суживающийся книзу цилиндр. Длина наконечника — 28 мм, ширина боевой части острия — 20 мм, диаметр втулки — 10 мм (табл. I, 10).

Тип 4. Острие наконечника треугольной (сглаженной) формы, образованное путем косо́го (на нет) среза полуцилиндра. На плоской стороне полуцилиндра — шип. Слияние шипа и среза полуцилиндра образует конус с втулкой. Длина наконечника — 50 мм, ширина — 22 мм, диаметр втулки — 10—12 мм (табл. I, 11).

Целую серию составляют втульчатые наконечники стрел с удлинёнными остриями. Порой это массивные тяжелые наконечники, которые могли быть отнесены к наконечникам дротиков.

Тип 1. Пирамидальное трехгранное одношипное острие. Срез шипа обращен вниз и находится около середины наконечника. Длина наконечника — 140 мм, наибольшая ширина грани — 20 мм, диаметр втулки — 8 мм (табл. II, 8).

Тип 2. Пирамидальное трехгранное острие, на каждом ребре которого у его основания имеется шип, обращенный острием вниз (к основанию). Длина наконечника — 120 мм (излом на втулке), наибольшая ширина грани — 20 мм, диаметр втулки — 8 мм (табл. II, 2).

Тип 3. Пирамидальное трехгранное острие. Длина наконечника — 148 мм, наибольшая ширина грани — 21 мм, диаметр втулки — 9 мм (табл. II, 7).

Тип 4. Пирамидальное ромбовидное острие. Длина наконечника — 160 мм, наибольшая ширина — 22 мм, диаметр втулки (в месте излома) — 7 мм (табл. II, 6).

Тип 5. Двушипное с асимметрично расположенными шипами острие, трехгранное в сечении. Длина наконечника — 108 мм, наибольшая ширина — 31 мм, диаметр втулки — 9 мм (табл. II, 1).

Тип 6. Двушипное с асимметрично расположенными маленькими шипами, трехгранное в сечении, массивное острие, которое может быть отнесено к дротикам. Основание — конический цилиндр. Длина наконечника — 173 мм (от излома), наибольшая ширина — 27 мм, диаметр втулки — 9 мм (табл. II, 5).

ЧЕРЕНКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Тип 1. Треугольное в сечении, листовидное (напоминающее листья) острие с черенком в виде равнобедренного треугольника (обращенного вершиной вниз), основание которого переходит в шейку, соединяющую острие с черенком. Вставлялись такие наконечники в отверстие, сделанное в древке стрелы, и крепились жилыми нитками. Длина на-

конечника — 162 мм, наибольшая ширина — 24 мм, длина черенка — 27 мм (табл. III, 1).

Тип 2. Ромбовидное в сечении, листовидное острие с черенком в виде равнобедренного треугольника (подобен черенку типа 1). Длина наконечника — 156 мм, наибольшая ширина — 25 мм, длина черенка — 16 мм (табл. III, 2).

Тип 3. Одношипное, ромбовидное в сечении, пирамидальное острие. Шип расположен на середине наконечника, обращен острием вниз. Черенок в виде треугольника с асимметрично расположенными плечиками — линией основания «треугольника» (подобен черенку типа 1).

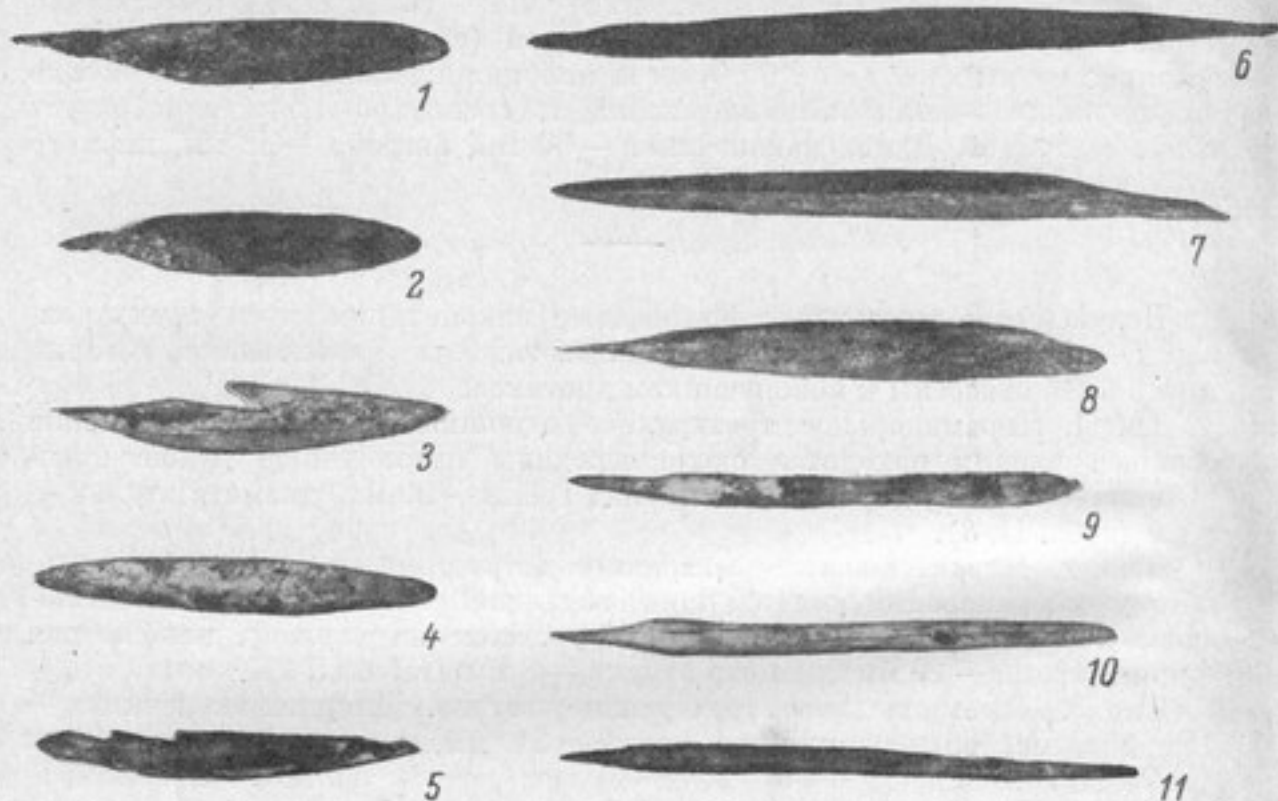

Табл. III. Черенковые наконечники стрел из рога оленя.

Длина наконечника — 143 мм, наибольшая ширина — 23 мм, длина черенка по одной стороне — 15, а по другой — 20 мм (табл. III, 3).

Тип 4. Трехгранное, пирамидальной формы острие. Шилообразный черенок, отделяющийся от шейки, соединяющей его с острием плечиком (выступом), идущим вокруг черенка. Длина наконечника — 215 мм, наибольшая ширина — 11 мм, длина черенка — 15 мм (табл. III, 11).

Тип 5. Трехгранное в сечении (напоминающее равнобедренный треугольник) острие. Черенок подобен черенку типа 4. Длина наконечника — 205 мм, наибольшая ширина — 12 мм, длина черенка — 17 мм (табл. III, 10).

Тип 6. Ромбообразное в сечении, листовидное по форме острие с черенком, подобным черенку типа 4. Длина наконечника — 190 мм, наибольшая ширина — 15 мм, длина черенка — 13 мм (табл. III, 9).

Тип 7. Удлиненное, листообразной формы (напоминающей лист северной ивы) плоское острие с постепенным расширением к середине. Черенок — уплощенное основание, расположенное перпендикулярно

к плоскости острия. Уплощенная часть черенка вставлялась в вырез, сделанный в древке стрелы, и крепилась жилыми нитками. Длина наконечника — 202 мм, наибольшая ширина — 22 мм, длина черенка с шейкой — 40 мм (табл. III, 8).

Тип 8. Трехгранное, несколько сплющенное острие пирамидальной формы. Черенок подобен черенку типа 7. Длина наконечника — 278 мм, наибольшая ширина — 19 мм, длина черенка с шейкой — 47 мм (табл. III, 6).

Тип 9. Трехгранное, пирамидальной формы острие. Черенок — уплощенное основание, расположенное в плоскости наибольшей грани

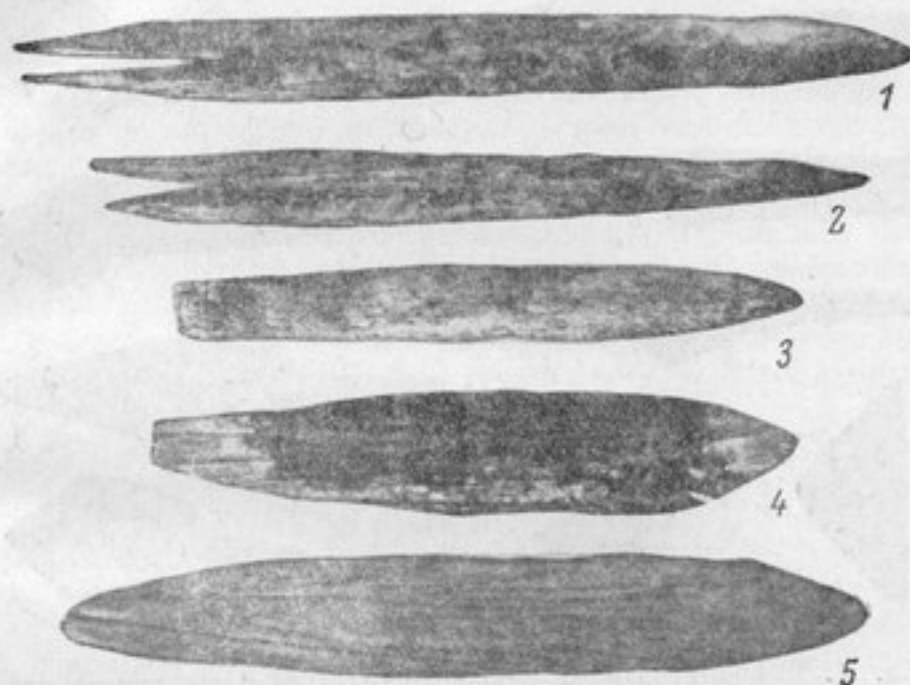

Табл. IV. Наконечники дротиков и костяных ножей.

острия. Длина наконечника — 225 мм, наибольшая ширина — 20 мм, длина черенка с шейкой — 78 мм (табл. III, 7).

Тип 10. Ромбовидное в сечении острие листовидной формы. В нижнем основании черенок, расположенный в плоскости наиболее вытянутых ребер ромба. Длина наконечника — 150 мм, наибольшая ширина — 22 мм, длина черенка — 35 мм (табл. III, 4).

Тип 11. Трехгранное в сечении острие, на одной из граней которого — два последовательно расположенных шипа ближе к основанию. Черенок в виде короткого уплощения. Длина наконечника — 149 мм, наибольшая ширина — 16 мм, длина черенка с шейкой — 23 мм (табл. III, 5).

Особую группу составляют наконечники, видимо дротиков.

Тип 12. Уплощенное листовидное острие, в нижнем основании которого перпендикулярно к плоскости сделана прорезь остроугольной формы. В него вставлялась уплощенная клиновидная часть древка, а затем это соединение крепилось жилыми нитками. Длина наконечника — 215 мм, ширина — 22 мм, длина черенка (прорези) — 52 мм (табл. IV, 1).

Тип 13. Трехгранное острие, постепенно сужающееся к концу. В нижнем основании черенок, подобный черенку типа 12. Длина наконечника — 186 мм, наибольшая ширина — 22 мм, длина черенка (прорези) — 40 мм (табл. IV, 2).

Среди костяных наконечников оказались и комбинированные — костяные с вставными металлическими копьейцами (наконечниками), которые заметно отличаются своим обликом. Это также наконечники стрел, но по-разному соединенные с древками. Всего таких комбинированных наконечников найдено пять. Кроме того, найдено два копьейца без костяных оснований.

Тип 1. Острие, представляющее собой железный квадрат, одним углом вставленный в прорезь уплощенного рога оленя и закрепленный в нем при помощи металлической заклепки. Черенок наконечника имеет

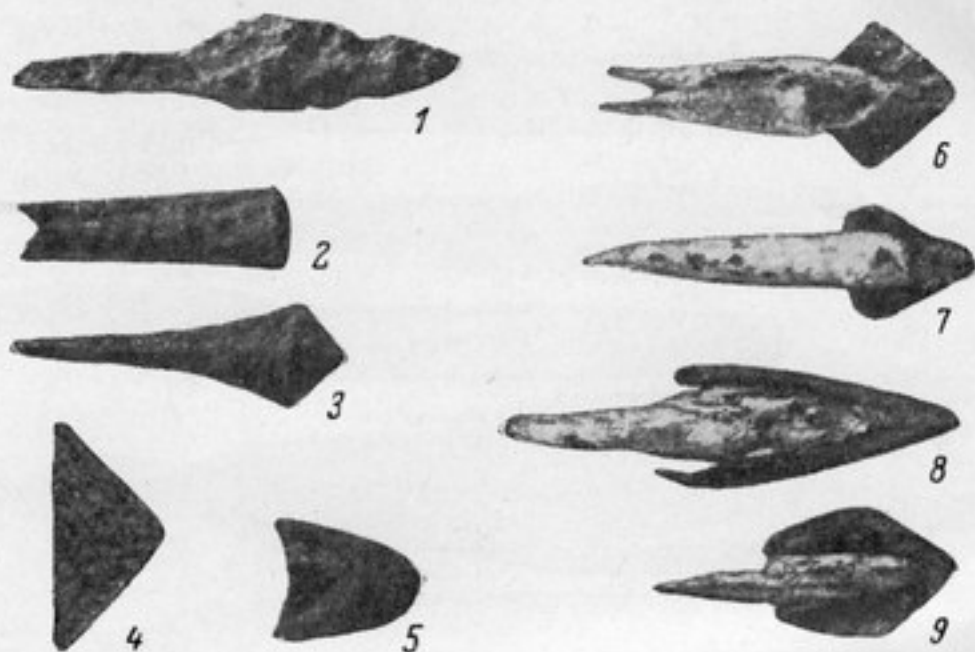

Табл. V. Комбинированные наконечники стрел с железными копьейцами — вкладышами в костяную основу.

сквозную остроугольную прорезь, расположенную перпендикулярно к плоскости металлического острия. Длина всего наконечника с копьейцом — 93 мм, длина прорези черенка — 22 мм, толщина копьейца — 1 мм (табл. V, рис. 6).

Тип 2. Острие — треугольное железное копьейцо, вставленное в прорезь круглого куска рога оленя и закрепленное в нем при помощи металлической заклепки. К основанию костяная часть наконечника заметно сужается. На конце черенка — сквозная остроугольной формы прорезь, расположенная в плоскости металлического острия. Длина наконечника — 106 мм, длина прорези черенка — 23 мм, толщина копьейца — около миллиметра (табл. V, 7).

Тип 3. Двухшипное железное острие треугольной формы, вставленное в прорезь рога оленя и закрепленное металлической заклепкой. Черенок в виде сквозной прорези, расположенной в плоскости железного острия (одна щека прорези отломана). Длина наконечника — 124 мм, длина прорези черенка — 37 мм, толщина железного острия в середине — около 3 мм (табл. V, 8).

Тип 4. Листовидное (похожее на лист березы) железное острие со слабо выраженными двумя шипами у основания, вставленное в прорезь круглого куска рога оленя и закрепленное металлической заклепкой. Шипы опускаются ниже прорези и таким образом усиливают прочность

крепления в прорези острия. В основании видна часть стенки втулки. Вероятно, это был втульчатый наконечник. Длина наконечника — 42 мм, диаметр втулки — 7 мм, толщина железного острия — около миллиметра (табл. V, 9).

Тип 5. Железное острие треугольной формы с закругленными углами. Длина наконечника — 31 мм, длина нижнего основания — 62 мм, толщина — около 1 мм (табл. V, 4).

Тип 6. Удлиненное, полукруглой формы железное острие с вогнутым основанием. Длина наконечника — 35 мм, ширина — 32 мм, толщина — чуть более миллиметра (табл. V, 5).

Помимо комбинированных, были найдены три железных наконечника, разные по размерам и форме, причем один из них может рассматриваться как наконечник копья.

Тип 7. Листообразный железный наконечник (возможно, копья) с уплощенным черенком для крепления. Длина наконечника — 122 мм, длина черенка — 46 мм, толщина — около 3 мм (табл. V, 1).

Тип 8. Срезень в виде узкой вытянутой лопаточки, вставлявшийся в прорезь в костяном основании наконечника (сохранилась заклепка). Основание имеет треугольный вырез для прочности крепления. Длина наконечника — 73 мм, ширина — 18—22 мм (табл. V, 2).

Тип 9. Ромбовидное с широким лезвием острие с черенковым насадом. Длина наконечника — 90 мм, толщина — до 3 мм (табл. V, 3).

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ, НОЖИ

Тип 1. Ромбовидное в сечении, удлиненной листовидной формы острие с широким уплощенным черенком с поперечными насечками. Длина наконечника — 153 мм, ширина — 20 мм, длина черенка — 44 мм, ширина черенка — 16 мм (табл. IV, 3).

Тип 2. Трехгранное в сечении, листовидной (похожее на лист полярной ивы) формы острие с широким основанием черенка. Длина наконечника — 140 мм, ширина — 23 мм, длина черенка — 42 мм, ширина черенка — 18 мм (табл. IV, 5).

Тип 3. Плоское листовидной формы острие. Скорее всего лезвие ножа. Черенок — продолговатый, сужающийся книзу. Длина наконечника — 157 мм, наибольшая ширина — 32 мм, длина черенка — 45 мм, ширина черенка — 13—22 мм (табл. IV, 4).

Среди тринадцати каменных орудий, найденных на вскрытой части апшаниля, одиннадцать из обсидиана и два из кремнистого сланца — это наконечники копий. Они хорошо сохранились, лишь у одного отломана часть черенка (табл. VI, 3). Среди каменных орудий меньше разнообразия форм, чем среди костяных, хотя размеры их самые разнообразные. По всей поверхности обсидиановых наконечников видны следы отжимной ретуши, которая нанесена почти перпендикулярно к оси орудий. Лезвия наконечников местами подправлены вторичной ретушью, образующей довольно мелкие зубчики. Все орудия имеют ромбовидное сечение, однако по форме несколько различаются. Одну группу (табл. VII) из шести экземпляров составляют иволистные обсидиановые наконечники, массивные, с несколько уплощенным основанием черенка, прямым или закругленным. Длина их колеблется от 51 до 116 мм. Вторую группу составляют наконечники продолговато-вытянутой формы, слегка сужи-

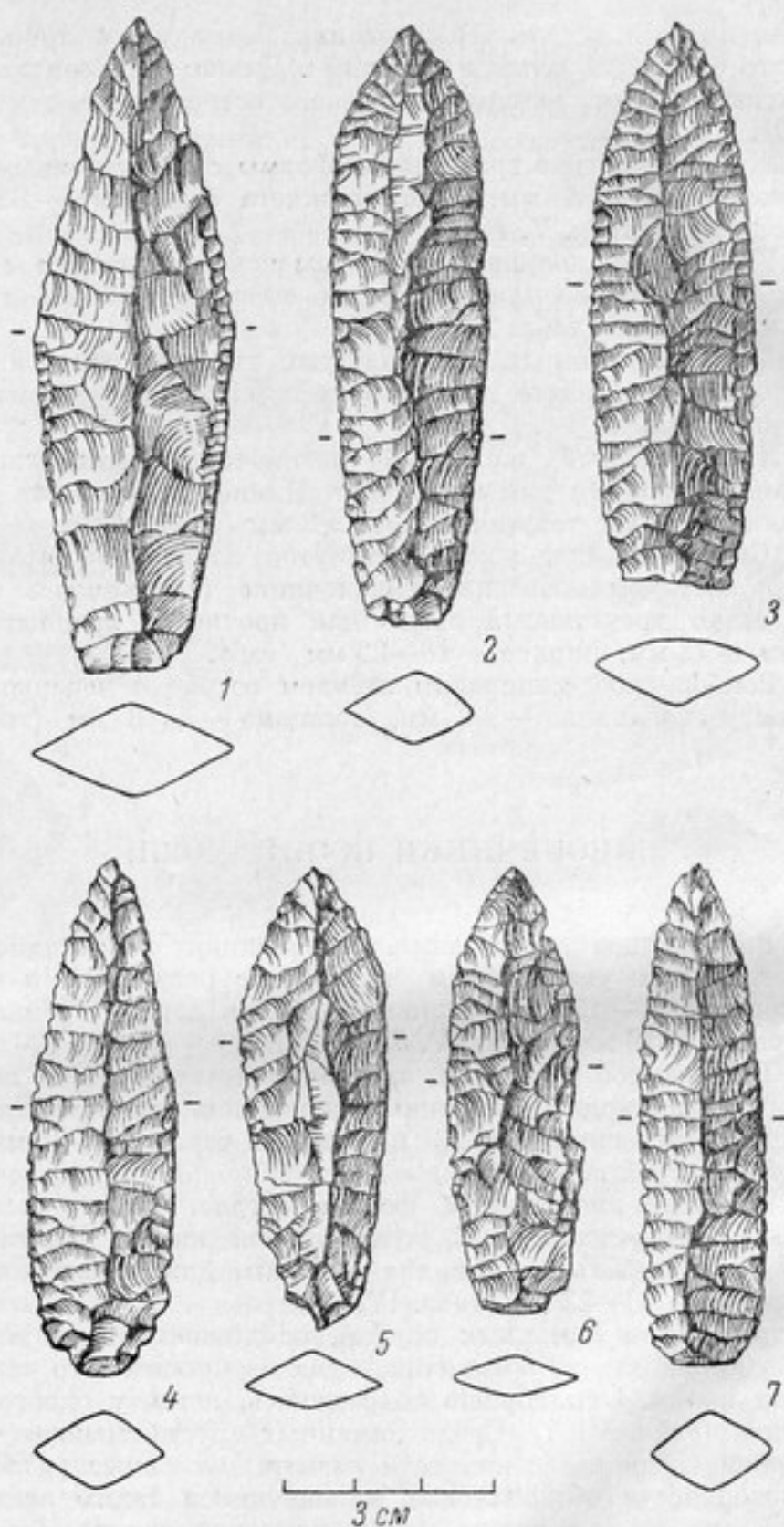

Табл. VI. Наконечники копий продолговато-вытянутой формы из обсидиана и кремнистого сланца.

вающиеся к основанию. Они также ромбовидные в сечении и имеют уплощение в нижней части. Размеры этих наконечников колеблются в длину от 65 до 84 мм (табл. VI). Несколько особое место занимает массивный биконической формы наконечник из кремнистого сланца, обработанный путем отжимной ретуши, без каких-либо следов шлифовки.

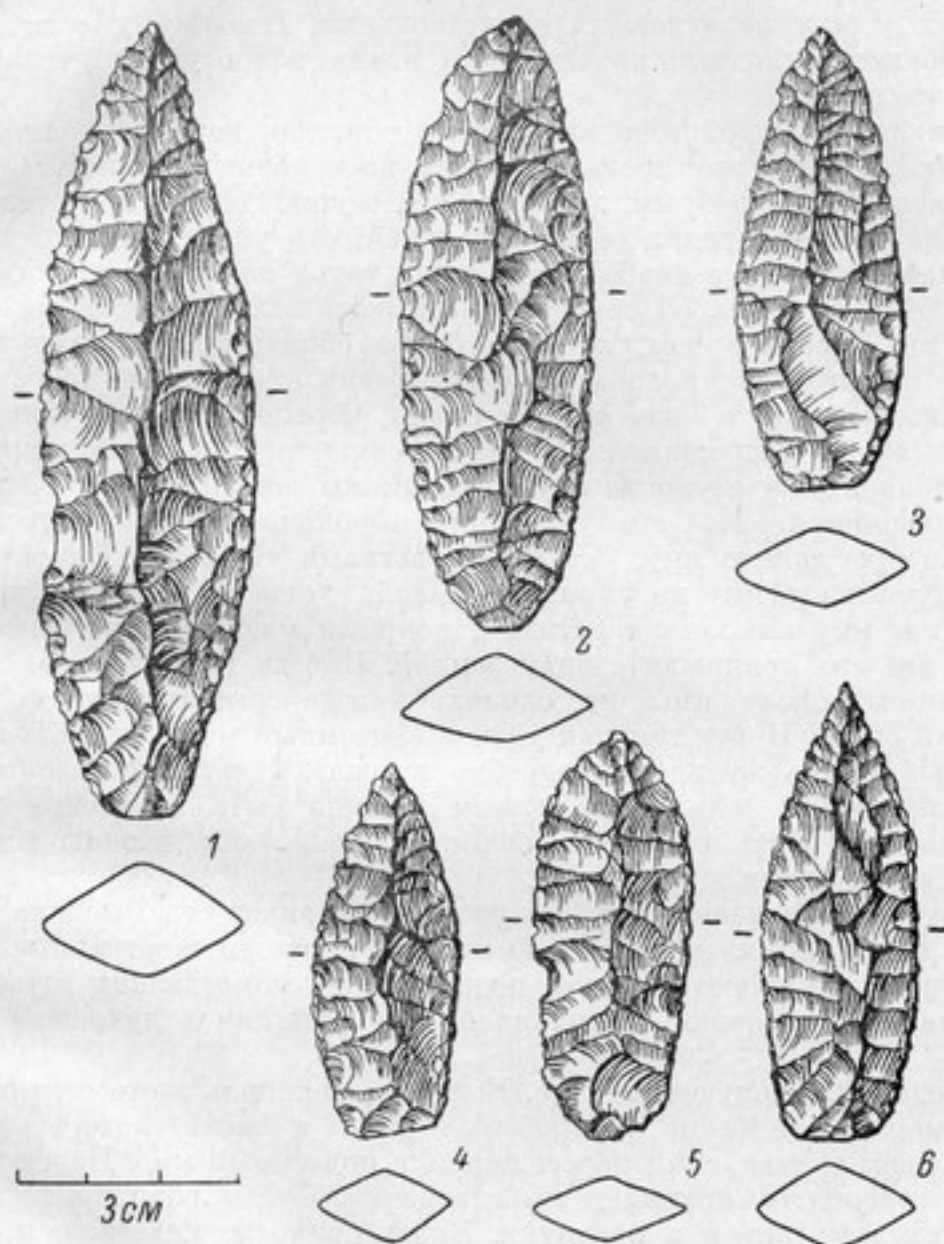

Табл. VII. Наконечники копий иволжистой формы из обсидиана.

В сечении он также ромбический. Уплощение в основании с прямым срезом. Длина — 96 мм, наибольшая ширина — 30 мм (табл. VI, I).

Мы рассмотрели материальные предметы, сохранившиеся на жертвенном месте около с. Ветвей. На основании их изучения можно с достаточной уверенностью судить о средствах к жизни, которые получали коряки в результате промыслов, об объектах и орудиях охоты и т. п.

Однако идейная сторона и значение такого рода памятников в системе представлений коряков остались бы во многом непонятыми, если бы не помощь самих коряков, сообщивших существовавшие у них представления об аппапилях и ыллаапилях. Эти сведения значительно дополняют, уточняют и расширяют характеристику данного источника, весьма важного для изучения истории культуры коряков, для понимания существовавших у них религиозных представлений. Поэтому уместно здесь будет сообщить основные сведения по этому вопросу, полученные от самих коряков.

У коряков с. Ветвей есть предание о том, как возник их аппапиль. Давно-давно, гласит это предание, здесь жил коряк с женой. Он был самым безупречным, добрым, хорошим человеком. Однако не хотел жить в этом мире и предупредил своих сородичей, что уйдет жить под землю (в подземный мир), где якобы будет вести такой же образ жизни, как и на земле. Вместе с тем, он обещал не забывать людей и всячески содействовать им, особенно тем, которые будут обращаться к нему за помощью и советами в трудные минуты жизни. Взамен он требовал от мужчин приношений в виде орудий охоты, черепов добытых животных. Последние якобы превращались в живых существ, т. е. в тех животных, которые теперь уже служили ему.¹⁹ Женщины должны были приносить пищу, украшения. По его указаниям сородичи вырыли глубокую и достаточно просторную яму, устлали ее ветками тальника. Вместе с женой он спустился в яму на упряжке оленей, и они сразу же стали невидимы. Затем яму наполнили ветками, покрыли матами, сплетенными из травы, и все это прикрыли сверху землей. Иногда его будто бы видели проезжающим около ямы на оленях, иногда слышали оттуда голоса людей, лай собак. Перед тем как уйти в подземный мир, дедушка поучал людей, как нужно жить. Он подробно рассказал, в какие сезоны года, чем и как нужно заниматься, каким должно быть поведение людей, какими должны быть взаимоотношения в семье, как должны младшие относиться к старшим и т. д. и т. п.

Аналогичные сведения были получены от коряков сел Вывенка, Илир, Анапка, около которых также имелись в прошлом жертвенные места. Эти сведения различаются рядом подробностей, помогающих глубже понять сущность значения аппапилей, их функции в духовной жизни коряков.

По сведениям, полученным в с. Вывенка, аппапиль этого селения возник на месте, где были «погребены» муж и жена, которые, как и в предыдущем случае, сами переселились в подземный мир. Перед уходом мужчина говорил: «Аппапилом мы сделаемся. Пусть люди приносят нам жертвы, их дети, внуки и правнуки. Пусть приносят медвежьи и оленьи головы, даже одни рога, вообще хотя бы кости разных добываемых зверей

¹⁹ Н. Н. Беретти описал интересные церемонии коряков, которыми отмечалась добыча медведя и принесение его черепа в жертву аппапилю. Череп убитого медведя ставят в юрте, «воткнув кедровые ветки в глаза, нос, рот и уши. В мешок, сделанный из травы, кладут, если убита медведица, кирку, нож, обутки, жир, сеरेжки, корольки и другие принадлежности женского костюма; если убит медведь, то кладут носок, крючки для рыбы, ремень, лахтак, жир и другое. В юрту приглашают постороннего человека, он должен надеть на себя шкуру медведя, взвалить себе на плечи мешок с указанными выше вещами и медленно удалиться из юрты; в это время в удаляющегося стреляют холостыми зарядами. Вещи, находящиеся в мешке, берет себе тот, кто надевал шкуру медведя и в которого стреляли, самую же шкуру медведя берет охотник, упрямый медведя; череп приносится, после описанной церемонии, в жертву аппапилю» (Н. Н. Беретти. На крайнем Северо-Востоке, стр. 41—42). Он же отметил, что «лучшие кости кита приносятся в жертву аппапилю».

пусть приносят нам. Также луки, стрелы, или частицы какой-нибудь пищи, или кусочки жира, всем должны нас оделять люди, которые будут приходить к нам. Мы будем радоваться». В свою очередь он обещал способствовать благополучию людей, успехам в промыслах и т. п.

Положив в жертву апнапилю лук и стрелы, мужчина в качестве дараталисмана брал с жертвенного места былинку, которую и приносил домой. При этом апнапиль якобы говорил человеку: «Возьми подарок мой, унеси домой. Часть травинки положи у задней стены жилища, а часть около входного отверстия.²⁰ И это обеспечит тебе хорошую жизнь и благополучие в доме». Тот же апнапиль будто бы наставлял людей, чтобы они не отчаивались, если после первого жертвоприношения не изменялась к лучшему их жизнь (промыслы, здоровье и т. п.). В таких случаях он рекомендовал снова приходить к нему и снова что-нибудь приносить.

Вообще для сохранения жизненного равновесия и устойчивого повседневного благополучия нужно было от всех промыслов, даже от отдельной добычи частицу уделять апнапилю, т. е. класть на жертвенное место.

Интересно то, что рассказчица резюмировала это наставление так: «Что ж, радуется апнапиль такому отношению к нему», — т. е. апнапиль представляется в виде живого существа, которому свойственны и такие эмоции, как радость.

Среди наставлений апнапиля выделяются правила поведения человека в среде единоплеменников. «Дети, — говорил он, — с людьми живите хорошо. Не обижайте слабых, помогайте старикам, старухам, опекайте сирот, делитесь с ними последним. Грешно, нельзя насмехаться над уродством, слабостью человека. Нельзя причинять зла людям. Нарушение этих положений принесет непоправимое несчастье». О хорошем человеке апнапиль обещает всегда заботиться, содействовать успешным промыслам, покровительствовать ему во всех жизненных делах. Такой человек, будучи на промысле, всегда окажется близко около зверя: «Как будто сам зверь приходит к дому такого человека».

Моральный кодекс апнапиля включал также раздел, посвященный отношению человека к окружающей природе — источнику его существования.

Нельзя добывать лишних зверей. «Чтобы хорошо жить, — говорит апнапиль, — нельзя убивать даже птичку, если она не нужна тебе для твоих нужд». Сверх необходимого количества убивать зверей не нужно, «чтобы в трудное время легко можно было найти любого зверя или птицу». В летнее время, когда в реках появляется рыба, охота на сухопутных животных должна прекращаться. Охотой надо заниматься лишь после того, как прекратится ход рыбы, т. е. осенью.

Наставления апнапиля наиболее конкретны в той части, которая относится к промыслу в тундре. На этот случай он дает детальные указания. Так, если добыто в тундре много зверя (имеются в виду дикие олени) и если все мясо невозможно убрать и использовать, излишки нельзя оставлять на земле. Их нужно опустить в реку или в озеро. Даже самое небольшое количество мяса (внутренностей), оставленное на земле, испортится, «и в будущем близко около этого места зверя не увидите».

Как видно из этих выдержек, все блага коряков покоились на удачном промысле. Следовательно, когда вырабатывались эти правила, основу

²⁰ Имеется в виду жилище оседлых коряков со входом через верх, которое служило одновременно и световым проемом и дымоходом.

жизни коряков составляла охота. Отсюда забота о сохранении животных, рационалистический подход к использованию промысловой фауны («нельзя напрасно истреблять диких животных и птиц»).

Во всем этом отчетливо проступает не религиозное начало наставлений аппапиля, а разумный, экономный подход к использованию даров природы, составлявших основу благополучия коряков. Не этим ли объясняется удивительно полное использование продуктов промысла? Даже кровь и содержимое желудка оленя заготавливались впрок и употреблялись в пищу. Практически от добытого зверя не бросали ничего. В этих наставлениях как бы сфокусирован многолетний опыт предков современных коряков. Наставления требуют разумного использования животных, птиц, с тем чтобы обеспечить себе существование за счет их и в ближайшем будущем. В таком бережном отношении к природе проявляется первобытный гуманизм, в основе которого лежит забота о благополучии последующих поколений. Заботясь о благе своего потомства, аппапиль, с позиции морали патриархальной общины, в интересах ее сохранения и укрепления, преподает ряд наставлений, обращенных к основной ячейке этой общины — семье. Муж и жена должны жить в мире и согласии. Хорошая жена, от которой зависит во многом благоденствие семьи, экономно распределяет результаты промыслов мужа (мясо, рыбу). Это ее компетенция, и муж никогда в эти дела не вмешивается. Она должна изготавливать все виды сезонной одежды и обуви членам семьи, в порядке содержать жилище, предметы кухонной утвари и т. п. Где соблюдаются эти правила, семья живет, имея все необходимое. Такой же характер носят наставления невестке, зятю. Обращает на себя внимание то, что все наставления аппапиля обращены не к патриархальной общине в целом, а к ее составной ячейке — семье и ее членам. Видимо, это звено было наименее прочным в составе патриархальной общины. Обособление отдельной семьи уже вело к разделу общины. Отсюда в сознании современных коряков перенос центра внимания на отдельную семью, как основное звено общественной и хозяйственной жизни.

Представления об аппапилях и ыллаапилях, послушание им, помимо рационалистических черт идеологии патриархальной общины, содержат значительные напластования религиозных представлений. Здесь как бы перемешалось рациональное и иррациональное. Как правило, все ыллаапили и многие аппапили в конце концов оказываются шаманами. Поэтому их наделяют необычными для человека возможностями, расширяют и осложняют их функции. Наряду с общими чертами «биографии», отмечаются и индивидуальные черты их происхождения и поведения. Так, ыллаапиль с. Култушино — «сильный помощник людям при болезнях». Уже между ней и жителями села появился посредник — шаман, который наставляет людей, как и в каких случаях следует обращаться к ыллаапилю. В то же время ыллаапиль с. Култушино «обслуживала» уже не только своих потомков, но всех жителей этого селения, т. е. представителей разных в прошлом патриархальных общин. К ней за помощью мог обратиться любой житель с. Култушино. Обычно шаман говорил: «Кто заболел, пусть ко мне сначала обратится». В таких случаях он говорил так: «Убей оленя и пойди к ыллаапилю. Принеси в жертву голову и рога оленя. После этого ты скоро поправишься». В жертву мужчины несли железные и деревянные копыта, ножи, стрелы, патроны, моржовые клыки, моржовые и медвежьи головы, рога и головы оленей (домашних и диких); женщины — женские принадлежности: бисер, колокольчики, иголки, наперстки, нитки, пищу. Когда коряк при-

ходил к жертвенному месту, он говорил, обращаясь к нему: «Ыллаапиль (бабушка), я пришел, вот это (клат то, что принес) тебе принес. Мне и моим детям дай здоровье и благополучие».

По представлениям старого поколения жителей с. Култушино, «едва завершилось создание земли, как вскоре она загорелась. И поэтому ыллаапиль ушла под землю, чтобы не сгореть. При этом она объявила, что навсегда останется в подземном мире. После этого люди стали считать место жертвенным и называют его ыллаапиль».

Аналогичный ыллаапиль был и на о. Верхотурова (Самаынып'авпиль), на его северной части, где еще в 1954 г. находилось много черепов моржей.

Несколько отличны сведения о жертвенном месте, которое было у старого селения на р. Анапке. Этот аппапиль назывался Ан'нюлк'ын (разновидность жуков, обычно встречающихся в бывших селениях на остатках кострищ). Ан'нюлк'ын был шаманом. Он также ушел под землю и обратился в жертвенное место, в помощника жителей. Много лет он пробыл в подземном мире (под землей), затем снова появился на поверхности земли. И тогда сказал родственникам: «Я теперь пребываю наполовину человек, а наполовину злое существо (*нин'вит*). Посмотрите на меня: правая половина моего тела — белая, а левая — черная».²¹ Действительно, так и было. Затем он снова ушел в подземный мир и уже больше не возвращался. А то место, где он ушел под землю, стало аппапилем (жертвенным местом). Туда несли рога и головы оленей, медвежьи и моржовые головы, стрелы, пули кремневых ружей, патроны берданок, а позднее и патроны винчестера. Рога оленей относили к Ан'нюлк'ыну, чтобы не болели члены семьи. Стрелы и патроны клали на жертвенное место, с тем чтобы Ан'нюлк'ын дал добыть в этот день достаточно зверя. Иногда требовалось специальное жертвоприношение, особенно перед началом промыслового сезона. Забивали по несколько оленей для приношения их в жертву Ан'нюлк'ыну. Кто не имел оленей, убивал лучших ездовых собак. Как говорили старики, если не сделать такого жертвоприношения, промысел будет неудачным, «так как аппапиль не даст добыть зверя». По окончании убоя оленей часть оленьих

²¹ У коряков, чукчей, сибирских эскимосов, отчасти у ительменов бытовало представление о двух противоположных, постоянно борющихся началах во вселенной и окружающей человека природе: одно — светлое (белое), другое — темное (черное). Светлое или белое начало исходило от солнца, оно находилось в юго-восточной стороне вселенной; в этой стороне обитали все благосклонные и добрые к человеку существа; отсюда шли жизненные блага, тепло; отсюда двигались стада диких оленей в самое трудное для человека время года — весной; отсюда приходили по морю моржи, киты; с этой стороны летели бесчисленные стаи водоплавающих птиц. Поэтому жертвоприношение всем покровителям человека было ориентировано в сторону юго-востока, делалось оно только при дневном свете, а принесенные в жертву животные и их части поднимались на шестах, утверждались на кольях. Темное или черное начало исходило от луны — светила темных сил; оно находилось в северо-западной стороне, откуда уходило все живое, гонимое холодом, тьмой, где обитали все злые, вредоносные для человека существа (*нин'виту кзлет, тог'мыз'ат*). Они же обитали и под землей. Поэтому те немногие жертвы, которые приносились им, оставались на земле и ориентированы были головой на северо-запад. Ан'нюлк'ын, о котором идет речь, совмещал в себе эти два противоречивых начала, так как он был шаманом и имел дело с вредоносными существами. Это нашло отражение в его внешнем облике. Одна половина его тела — правая — оказалась светлой (белой), а другая — левая — темной (черной). Отсюда и идет заключение о его двойственном состоянии: «Я представляю собой наполовину человека (правая сторона), наполовину вредоносное существо (левая сторона)», — говорил он. Вероятно, от такого рода представлений (как результат их дальнейшего развития) и происходит «белое» и «черное» шаманство.

голов с рогами насаживали на колья так, чтобы они были обращены глазами в сторону восхода солнца.²² При этом обращались к Ан'нюлк'ыну со следующими словами: «На, вот, тебе, даю оленьи головы, ты, хозяин и охранитель зверей, завтра я отправляюсь на охоту, одели меня хорошей добычей. Если ты дашь добыть мне лишних зверей, когда кончу промысел, еще тебе убью хорошего (красивого) оленя».

При нужде можно было позаимствовать патроны у апнапиля. Когда у охотника не оказывалось патронов, он шел к Ан'нюлк'ыну и брал несколько нужных ему патронов, положенных туда кем-то ранее. При этом охотник обращался к апнапилю с просьбой одолжить ему их, обещал возратить взятое и, кроме того, вознаградить Ан'нюлк'ына головами добытых зверей.

Женщины также обращались к Ан'нюлк'ыну со своими просьбами. Когда женщина чувствовала себя беременной, она отправлялась к Ан'нюлк'ыну. Несла специально спитые маленькие мешочки, наполненные кусочками шкурки зайца, кусочками мяса, жира, украшениями в виде снизок разноцветного бисера. Некоторые приносили иголки, наперстки. Бисера приносили несколько снизок. Первая снизка была красного цвета, вторая — белого, третья — черного, четвертая — зеленого, пятая — синего, шестая — бесцветная. Придя к жертвенному месту, женщина разводила костерчик и начинала бросать в огонь принесенные кусочки шкурок зайца, кусочки мяса, жира. При этом она обращалась к Ан'нюлк'ыну со словами: «Вот, принесла в жертву, дай мне за это благополучные роды». Обойдя вокруг костра, женщина клала на жертвенное место снизки бисера и говорила: «С давних времен приносив тебе жертвы, ты нам помогаешь, если я останусь жива после родов, то и впредь буду приносить тебе жертвы. Земля ты!».

Таковы представления коряков о происхождении и роли в их жизни апнапиля и ыллаапиля — жертвенных мест. Из изложенного можно сделать ряд предварительных выводов.

1. Апнапиль около с. Ветвей содержит материальные остатки, характеризующие континентальную культуру сухопутных охотников, которая развивалась на протяжении многих веков. Свидетельством служат разнообразные типы наконечников стрел и копий (дротиков), материал, из которого они изготовлялись (от обсидиана до железа), остатки украшений. Рыболовство не отражено в этом памятнике, никаких материальных остатков его не обнаружено.

2. Апнапили и ыллаапили около приморских поселков (сс. Вывенка, Култушино, Анапка, Апука) содержат материальные остатки, отражающие культуру охотников на морских и сухопутных млекопитающих. Здесь также не нашло отражение рыболовство. По всей видимости, эта отрасль хозяйственных занятий получила широкое распространение и первостепенное значение в жизни приморских коряков сравнительно в недавнее время. Известно, что еще в XVIII—XIX вв. орудия рыболовства коряков отличались примитивностью устройства и предназначались для индивидуального пользования (короткие сети, сплетенные из сухожилий или волокон крапивы, которые ставились с берега, марики).

3. Апнапиль и ыллаапиль — отражение в сознании коряков их общественного бытия, которое складывалось на основе культуры континен-

²² То же отметили Ушаков и Елистратов в XVIII в.: «Отрезают голову, не вынимая языка, втыкают на кол, глазами к востоку» (Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова, 1742 и 1787 г., стр. 149).

тальной охоты, а затем и культуры приморской охоты. На основе этой культуры и шло образование у них патриархально-семейных общин как основных производственных и общественных объединений. В этих условиях и развился культ предков (аппапиль — дедушка, ыллаапиль — бабушка) — покровителей (патронов), наставников и защитников. Этот культ постепенно осложнялся иррациональными (религиозными) наслоениями и атрибутами.

4. Исследование жертвенных мест коряков дает надежный материал более подробного и обстоятельного освещения истории развития их материальной культуры, общественных отношений, религиозных представлений.

5. При наличии обычая сжигать трупы, а иногда вместе с ними и жилища, жертвенные места (аппапили и ыллаапили) коряков оказываются едва ли не единственным источником, который дает ценнейшие материалы для изучения их истории. Поэтому такого рода памятники должны охраняться.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВРГО	— Вестник Русского географического общества.
ВЯ	— Вопросы языкознания.
ГМЭ	— Государственный Музей этнографии народов СССР.
ДАИ	— Дополнения к актам историческим.
ЕТМ	— Ежегодник Тобольского музея.
ЖБ	— Жизнь Бурятии.
ЖС	— Живая старина.
ЗВСОРГО	— Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск.
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск.
ЗМАИ	— Записки Московского археологического института.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.
ИЭ	— Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.
КИПС	— Комиссия по изучению племенного состава.
КПВ	— Культура и письменность Востока. Баку.
ККМ	— Кызыльский краеведческий музей им. 60 богатырей.
ЛО	— Ленинградское отделение.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР.
МЗП	— Магазин землеведения и путешествий.
МЭР	— Материалы по этнографии России.
РГО	— Русское географическое общество.
СА	— Советская археология.
СВ	— Сибирские вопросы.
СЖС	— Сибирская живая старина.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР.
СС	— Советский Север.
СЭ	— Советская этнография.
ТЕВ	— Тобольские епархиальные ведомости.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.
ТОЛЕАЭ	— Труды Общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете.
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.
ЭО	— Этнографическое обозрение.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Е. Д. Прокофьева.</i> Шаманские костюмы народов Сибири	5
<i>Н. Ф. Прыткова.</i> Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров)	101
<i>В. П. Дьяконова.</i> Цам у тувинцев	113
<i>Ф. А. Сатлаев.</i> Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев	130
<i>С. В. Иванов.</i> Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка	142
<i>Г. М. Василевич.</i> О культе медведя у эвенков	150
<i>В. И. Цинциус.</i> Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом	170
<i>Ч. М. Таксами.</i> К вопросу о культе предков и культе природы у нивхов	201
<i>З. П. Соколова.</i> Пережитки религиозных верований у обских угров . . .	211
<i>Л. В. Хомич.</i> О некоторых предметах культа надымских ненцев	239
<i>Г. Н. Грачева.</i> Погребальные сооружения ненцев устья Оби	248
<i>Е. А. Алексеенко.</i> Домашние покровители у кетов	263
<i>И. С. Вдовин.</i> Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение	275
Список сокращений	300

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБРЯДЫ НАРОДОВ СИБИРИ
В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXVII

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Зайцева
Технический редактор Г. А. Бессонова
Корректоры В. В. Астацатурова, Л. В. Лисей
и Т. Б. Синельникова

Сдано в набор 24/IX 1971 г. Подписано к печати 17/XII 1971 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 19+3 вкл. (1¹/₂ п. л.) =
27.3 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26.14. Изд. № 4382. Тип. зак. № 174.
М-08906. Тираж 2800. Бумага № 2. Цена 1 р. 73 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

199034, 1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

*Институт этнографии им. Н. Н. Микаухо-Маклая АН СССР
готовит к выпуску книгу:*

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. 30 л. Цена 2 р. 10 к.

Настоящая книга — монографическое исследование, посвященное подробному описанию и разбору традиционных народных обрядов — праздников, которые проводятся в соответствии с календарем христианской церкви в странах зарубежной Европы. Авторы показывают историю возникновения обрядности и ее классовую сущность, прослеживают формирование обрядов с древнейших времен до настоящего времени, выявляют конкретные черты для каждого европейского народа и общие для всего населения Европейского материка или региональных групп.

В монографии дается научное обоснование возникновения и распространения обрядности среди народов зарубежной Европы.

Издание рассчитано на этнографов, историков, археологов, филологов, философов, искусствоведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся современным бытом и жизнью народов зарубежной Европы.

*В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В НАЛИЧИИ КНИГИ:*

Великович Л. Н. Кризис современного католицизма. (Научно-популярная серия). 1967. 160 стр. Цена 24 коп.

Ежегодник Музея истории религии и атеизма. VI. Критика современной религиозной идеологии. 1962. 480 стр. Цена 2 р. 80 к.

Шейнман М. М. Современный клерикализм. 1964. 254 стр. Цена 95 коп.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-463, Мичуринский проспект, дом № 12.
Магазин «Книга — почтой».

Ленинград, П-110, Петрозаводская улица, дом № 7.
Магазин «Книга — почтой».

О новых книгах,

выпускаемых издательством «Наука»,

**ВЫ МОЖЕТЕ УЗНАТЬ, ОБРАТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШИЙ К ВАМ
МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА»**

*ЗАКАЗЫ НА ВЫБРАННЫЕ ВАМИ КНИГИ
НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:*

**119463, Москва, Мичуринский пр., 12,
Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»**

или

**197110, Ленинград, Петрозаводская ул., 7,
Магазин «Книга — почтой» Северо-западной конторы
«Академкнига»**

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
Баку, ул. Джапаридзе, 13;
Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
Душанбе, проспект Ленина, 95;
Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;
Киев, ул. Ленина, 42;
Кишинев, ул. Пушкина, 31;
Куйбышев, проспект Ленина, 2;
Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
Ленинград, Менделеевская линия, 1;
Ленинград, 9 линия, 16;
Москва, ул. Горького, 8;
Москва, ул. Вавилова, 55/7;
Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
Новосибирск, Красный проспект, 51;
Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
Томск, наб. реки Ушайки, 18;
Уфа, Коммунистическая ул., 49;
Уфа, проспект Октября, 129;
Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
Харьков, Уфимский пер., 4/6.

«Академкнига»